

Сенук З.В.
**Социально-технологические
аспекты моделирования
бихевиоральных гендерных
стереотипов**

В статье рассматривается социальная технология моделирования и суггестии гендерных стереотипов в массовое сознание посредством создания художественного текста. Автор проводит контент-анализ наиболее популярных романов братьев Стругацких для выявления способов создания и суггестии устойчивых гендерных стереотипов патриархального сознания. Производится подсчет количественного соотношения мужских и женских ролей в романах, также проводится качественный анализ способов трансплантации стереотипов в контекст романов посредством психологических, лексических и экспрессивных приемов. Демонстрируется сексистская парадигма авторских установок, экстраполированная в художественную прозу. Показан способ имплицитного воздействия на массовое сознание посредством вплетения сексистских установок в социальные практики.

В статье делается вывод о количественном преобладании мужских ролей над женскими в несколько раз большем, чем это допускается в повседневной практике социального пространства, что подтверждается количественным подсчетом действующих героев.

Ключевые слова: социальная технология, гендерные стереотипы, суггестия, массовое сознание, художественная проза.

Senuk Z.V.
**Social and technological aspects
of behavioral gender stereotypes
modeling**

The article deals with social technology of gender stereotypes modeling and suggestion into the public consciousness by means of literary text creation. The author carries out a content analysis of the most popular Strugatsky brothers novel to identify ways of creating and suggestion a sustainable patriarchal consciousness gender stereotypes. Calculation of male and female novel roles quantitative ratio was carried out. Qualitative analysis of methods of stereotypes transplantation into the context of the novels by means of psychological, lexical and expressive techniques was also carried out. Sexist paradigm of authorial mindset extrapolated in fiction is demonstrated. Implicit mass consciousness influence method of sexist mindsets insertion into social practices is demonstrated.

The article concludes that the quantitative predominance of the male over the female roles in several times greater than that allowed in the daily practice of social space, which is confirmed by quantification of existing characters.

Key words: social technology, gender stereotypes, suggestion, public consciousness, literary text.

Сенук З.В.
**Бихевиоралдық гендерлік
стереотиптердің әлеуметтік
технологиялық моделдеудің
аспектері**

Мақалада әлеуметтік технологиялық модельдеу және көркем мәтін арқылы гендерлік стереотиптердің бұқаралық суггестиялуі қарастырылады. Автор Стругацких ағайындыларының ең танымал романдарына суггестияның қатаң гендерлік патриархалды естің шығару тәсілдерін анықтау үшін контент-анализ жасайды.

Аталық және әйел рөлдерінің санының арақатынасы есептелінеді, және де стереотиптердің трансплантациялық әдістеріне психологиялық, лексикалық, экспрессиялық әдістер арқылы сапалық анализ өткізілген. Автордың сексистикалық парадигмасы көрсетілген. Имплициттік тәсілдің бұқаралық еске сексистік құрылғылар арқылы әлеуметтік практикаға енгені көрсетілген.

Түйін сөздер: әлеуметтік технологиясы, гендерлік стереотип, суггестия.

**СОЦИАЛЬНО-
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ
МОДЕЛИРОВАНИЯ
БИХЕВИОРАЛЬНЫХ
ГЕНДЕРНЫХ
СТЕРЕОТИПОВ**

Введение

В современной философской, социологической, психологической научной литературе активно разрабатываются проблемы социального бытия человека, в том числе и проблема самоосуществления, самореализации полов. Гендерная проблематика, отсутствующая в исследованиях советского времени, стала очень актуальна в науке, естественным путем отражая объективный вызов времени. Резкие изменения в условиях жизни, произошедшие за перестроечный и постперестроечный период в России, изменение всей социальной парадигмы, экспансия западных ценностей и норм в условиях открытости для глобализационных процессов, породили новую социальную реальность гендерных ролей, которая требует своего осмысления и научной рефлексии.

«Женский вопрос» был актуален всегда, во все периоды истории от начала времен. Социальный статус женщин был и остается непроясненным до сих пор, несмотря на огромное количество современных исследований, носящих в основном прикладной характер, особенно в западной научной литературе, и богатейший исторический материал о социальной практике всех времен и народов решения этого вопроса. В данной статье, разумеется, не делается попыток предложить некий универсальный рецепт достижения «гармоничного гендера», хотя бы в силу того, что опыт современной России, повторяющей вслед за Европой путь эмансипации, свидетельствует об абсолютной не бесспорности этого процесса. Хотя бы потому, что процесс действительной эмансипации имеет непредсказуемые и весьма спорные последствия. В частности, ответом стала стремительная феминизация мужчин, заимствование ими традиционно женских гендерных ролей, так, получили распространение новые для России явления, например, альфонсизм; повсеместно воспроизводимая модель «гражданского брака», вариацией которого является «гостевой брак», исключая совместное проживание, ведение хозяйства и рождение детей.

Отсутствие в советский период гендерных исследований, как таковых, отнюдь не означало, разумеется, что отсутствовала так

же практика социального конструирования гендерных ролей, практика моделирования реальности с их жесткой закрепленностью и социальными технологиями воспроизводства и ретрансляции. И в советском обществе, и, в особенности, в современной России, актуальная парадигма культуры всегда была патриархатной и сексистской в отношении к женщинам. Но если в советском обществе, детерминированном идеологемами коммунизма, для «женщин – «строительниц нового общества» законодательно вводились нормы квотного представительства в различных государственных и общественных структурах, то положение женщин в демократической постперестроечной России оказалось маргинальным и дискриминационным. Таковым оно остается и сейчас: квоты для обеспечения гендерного паритета в органах власти всех уровней отсутствуют, а эгалитаристский тип культуры, характерный для стран Запада, абсолютно не сформирован в российском общественном сознании. Более того, в России широко распространены социальные технологии суггестии бихевиоральных стереотипов, имеющих сексистскую основу. Именно применение социальных технологий делает невозможной смену патриархатной парадигмы культуры на более мягкую, эгалитаристскую модель.

Основная часть

Классические работы феминистской проблематики позволили обнажить, выявить механизмы социального конструирования пола и наметить пути изучения гендерных технологий. Позволили снять сакральное табу, лишить флера «естественной природной предназначенности» тех социальных ролей, которые играла женщина в патриархатном обществе. В дальнейшем было подробно изучено, каким образом пол становится артефактом, каковы особенности гендерной социализации личности, в ходе которой индивид обретает социальный пол, т.е. признаки женственности или мужественности, предписанные актуальной культурой. И то и другое воспитывается посредством специфических технологий, транслирующихся по социальным каналам в виде устойчивых гендерных стереотипов. Стереотипы отнюдь не нейтральны, т.к. несут определенную идеологическую нагрузку. Поскольку в обществе царит патриархатная парадигма культуры, гендерные стереотипы дискриминационны по отношению к НЕЙ и очень жестко регламентируют именно ЕЕ поведение и образ жизни. Стереотипы моделируют социальную среду, социальное бытие, жизненное

пространство, одновременно отражая реальную ситуацию в культуре. Будучи эманацией культурной Среды, они формируют массовое сознание, становясь самым устойчивым его компонентом, фиксированной установкой, которая обеспечивает механизм селективной диспозиции в восприятии действительности и, естественно, в моделировании поведенческих доминант.

Способы бытия гендерных стереотипов обеспечиваются каналами ретрансляции, такими как мода, литература, искусство, средства массовой информации, шоу-бизнес, реклама и пр. Культура патриархатна и, естественно, продуцирует мужское восприятие мира «бытие маскулинности в маскулинном» и патриархатное видение в этой действительности места женщины, ее роли, ее облика и поведения. В обществе постоянно происходит социализация полов по патриархатному стереотипу. Прежде всего социальной роли, статуса, темперамента. Для мужчин и женщин соответственно: общественная деятельность и биологическое воспроизводство; высокий и низкий; агрессивность, интеллектуальность, энергичность и пассивность, умственная ограниченность, управляемость, «ведомость». Психологические константы женского и мужского детерминируют более высокий социальный статус и доминирующую роль для НЕГО, и низкий социальный статус, пассивную покорность для НЕЕ. Главный тезис, претендующий на научность, патриархатного сознания, его альфа и омега, отправная точка и последний довод в рассуждениях, некая сакральная аксиома в наивно пантеистическом духе сводится буквально к следующему: самой природой женщине предназначено быть женой и матерью (читай: рожать детей и обслуживать мужчину). К этому тезису в явной и неявной форме сводятся все аргументы сторонников патриархата, именно на его обоснование направлена гендерная социализация.

Сексистские стереотипы пронизывают сферу бессознательного и воспринимаются обоими полами как детерминанты естественного поведения и самоочевидность. При таком подходе от внимания ускользает простая мысль, очевидная для объективного взгляда: природа не рассчитывала на социальность, в ходе биологической эволюции человек специализировался для воспроизводства вида и в этом смысле предназначение обоих полов одинаково. В ходе социогенеза природное начало абсолютизировалось только для женщин, что и было зафиксировано во всех формах общественного сознания.

Наряду с массой второстепенных, вторичных, опосредованных существует три базовых

гендерных стереотипа, сводящихся в конечном счете к уже упомянутому статусу, роли и темпераменту. Мужчине предписывается быть умным и доминантным, женщине – красивой и зависимой. Покажем некоторые приемы гендерной стереотипизации на примере фантастической прозы Стругацких. Выбор обусловлен исключительной показательностью приемов, изошренностью бессознательного путем растворенности гендерных стереотипов в структурах повседневности. Писатели демонстрируют жесткую патриархатную позицию при общей гуманистической направленности их творчества, что характерно для основных противоречий современной европейской культуры. Эта ситуация может быть объяснена с точки зрения самых глубоких философско-мировоззренческих, бессознательных установок самих авторов, как результата патриархатной социализации личности самих писателей. Здесь мы видим очевидный пример репродукции патриархатной парадигмы: несколько поколений советских людей сформировались под влиянием прозы Стругацких, в этом смысле можно рассматривать опредмеченное бытие фантастических миров в стереотипах массового сознания, суггестированных прозой Стругацких. В современных постсоветских странах популярность классической прозы Стругацких, как мы предполагаем, также довольно велика, так, совсем не случаен выбор российским режиссером Ф.Бондарчуком романа Стругацких «Обитаемый остров» для экранизации в стиле американского блокбастера, предназначенной, разумеется, для молодого зрителя. Актуализация философии Стругацких, по нашему мнению, продиктована современным мировым социополитическим дискурсом, что придает особое значение и актуальность использованным в этой прозе технологическим приемам конструирования бихевиаральных гендерных стереотипов.

Принцип фантастики писателей – здесь и сейчас, о каком бы времени и пространстве ни шла речь, основной лейтмотив творчества – гуманное отношение к человеку, его достоинство и высокое предназначение. Но есть одна философская тонкость, предопределяющая все остальное, – человек для Стругацких – это исключительно мужчина, всецело несущий, воплощающий в себе гендерный культурный знак мужского. Отсюда логично и неотвратно пристраивается и вывод: достоинство высокого предназначения и гуманизм в отношениях – это все привилегия человека, следовательно, мужчины. В пространстве фантастических миров Стругацких действуют,

думают, страдают, совершают подвиги исключительно мужчины. Это мир, созданный мужчинами и для мужчин. Для женщин в этом мире место отведено за кулисами событий: они где-то, бесспорно, есть, но вне социального бытия, вне активной деятельности, создается иллюзия, что их не существует в природе. Они появляются как фактор возмущения, некая помеха, неизбежное зло, вызывающее омерзение, презрение, ненависть, отвращение. Высокие идеалы и этические нормы к женщинам в этих мирах не относятся, т.к. женские персонажи лишены субъектности и представляют собой разновидность неких объектов, сложных биологических систем, выполняющих полезные для человека функции, что и составляет их главную ценность. Возможно именно этим объясняется поразительный факт: при виртуозном владении стилем женские образы написаны крайне бледно, собственно, только обозначены, мимоходом, скороговоркой. Они не несут личностного начала, поэтому невозможно описать их в категориях самодостаточности, они всегда существуют только рядом с мужчинами и действуют только в ответ на мужскую активность, представляя собой не субъект (человек), а объект (вещь). Анализ простого количественного соотношения в этом смысле очень показателен. Женских персонажей либо крайне мало, либо их нет вообще. Проиллюстрируем высказанные нами предположения на примере.

Роман «Пикник на обочине». Действующие мужские персонажи: Рэдрик Шухарт, Гуталин, Барбридж, Счастливчик, Артур – сталкеры; Кирилл Панов, Пильман, Лемхен – ученые; Остин, Тендер – лаборанты; Херцог, Квоттерблат – полицейские; Эрнест – бармен; Макно – аген бюро эмиграции; Нуннан – поставщик; Креон, Хрипачев, Костлявый – скупщики краденого; Каттерфилд – врач; Дикса – слуга; Бенни – привратник; Рафаэль – управляющий; призрак отца Шухарта; шоферы такси, охранники, полицейские, санитары – активно действующих 29 человек. Женские персонажи: Гута – жена Шухарта; Мартышка – его дочь; Дина Барбридж – дочь сталкера; три старухи соседки; секретарша Нуннана; мадам – содержательница борделя – всего 8 человек.

Этот список сам по себе содержит устойчивый сексистский стереотип несамостоятельности женщины – либо жена, либо дочь, либо секретарша, но непременно чья-то собственность. Относительную самостоятельность в обществе имеют либо старухи, либо представительницы весьма специфичной профессии (Мадам). Это распределение ролей в полной мере отражает

сексистские стереотипы массового сознания о безответственности женщин в силу зависимости их от сексуальной природы, которой она не может управлять слабым разумом, и поэтому нуждается в контроле со стороны мужчины. Независимы от сексуальной природы только старухи, поэтому во всех культурах мира они пользуются относительной свободой и подобием уважения.

Роман «Трудно быть богом». Мужские персонажи: Пашка, Антон, дон Кондор – прогрессоры; Тамэо, Пампа, Кси, Пэрта, Сатарина, Рипат, Сэра, Рэба, Кэу – благородные доны; Пиц – король; принц; Киун, Кукиш, Кикус, Кабани – горожане; Будах, Тата – врачи; Уно, Муга – слуги; Кин, Гук, Цупик, Нанин, Тибак, Гур, Аба, Пакка, Арима – монахи; Вага, Арата, Пига – разбойники; штурмовики, слуги, разбойники, ученики и пр. – активно действующих 31 человек. Женские персонажи: Анка – подруга Антона; дона Окана – любовница дона Рэбы; кухарка Руматы (без имени); Кира – любовница Руматы; упоминаются, но не действуют – дона Пифа – жена дона Пифы; святая Бара; нянька доны Оканы; служанка Бина, придворные дамы – всего действующих 4 человека.

Роман «Град обреченный». Мужчины: Ван, Дональд, Андрей, Кацман, Узбукат, Хайдеман, Сильва, Наставник, Гейгер, Румер, Фрижа, Давыдов, Гоффшаттер, Блок, Чачуа, Саари, Паприкаки, Дольфюс, Ковальский, Кехада, Герман, Варейскис, Элизауэр, Паркер, Полковник, Фогель, Даган, Тевосян, Хнойпек, Рулье, Пак, чиновник мэрии, Немой – всего 34 человека. Женщины: Сельма Нагель – любовница и жена Андрея; Амалия – секретарша Андрея; Дольфюсика – жена Дольфюса; Матильда – старуха; Мырма – проститутка – всего 5 человек.

В этом романе действительность фрагментарна, дискретна и социально трансформируема. Перед нами происходит непрерывная смена, круговорот социальных ролей действующих героев-мужчин. Так, главный герой Андрей Воронин предстает перед нами мусорщиком, главным редактором газеты, следователем ГПУ, господином советником, руководителем экспедиции. То же происходит и с другими героями – утопия дает возможность для моделирования различных тоталитарных режимов и, соответственно, ролей для героев. Роли женщин и в этом романе и во всех остальных всегда остаются фиксированными. Диапазон их трансформаций при любом режиме, любой реальности, времени и пространстве однообразен и неизменен: жена, любовница, проститутка, секретарша, либо старуха, уже почти не женщина, маргинальный статус которой позволяет несколько больше, чем собственно женский.

Старуха Матильда персонифицирует этот статут – призрачная жалкая самодостаточность сумеречной зоны конца жизни. Феномен фиксированных сквозных женских ролей – это подтверждение тезиса о лишенности женщин самостоятельного социального статуса, устойчивый гендерный стереотип массового сознания. Сами роли тоже соответствуют сексистским стереотипам – социальная роль женщин – обслуживание потребностей мужчин в качестве жены, любовницы, прислуги.

В Повести «Попытка к бегству» женских персонажей нет вообще.

Не составляет труда посчитать количественное соотношение мужских и женских ролей в романах Стругацких и определить социальное жизненное пространство женщин. Современные исследователи определяют социальное пространство женщин одной третьей, в романах Стругацких эта цифра достигает пятой, шестой, восьмой части абсолютно мужского мира. Даже в описании далекого будущего среди торжества всеобщей гармонии в разуме женщины не перестают играть традиционные патриархатные роли. В романе «Возвращение. Полдень, XXII век» женщины показаны в проявлении своих профессиональных ролей. Но способы этого позволяют авторам не только сохранить, но и подчеркнуть те же гендерные стереотипы. Их всего пять – Шейла Кадар – структуральный лингвист; Татьяна Палей – инженер-археолог; Марина Черняк – оператор тяжелых систем; Джин – программист. Об их профессиях, личных и деловых качествах, планах, мыслях и т.д. мы узнаем лишь из авторской скороговорки, сами персонажи эпизодические и лишены поступков и речи. Вот способ включить образ Шейлы Кадар в ткань романа. «Женя (муж Шейлы – З.С.) сидел за столом и читал «Философию скорости» Градуэя. ... Шейла сидела в глубоком кресле, положив ногу на ногу, и читала Женину рукопись.» Это единственное место в романе, где Шейла за работой. Но ее работа сводится не к самостоятельному созданию социально ценного продукта, а к правке и критике ЕГО рукописи, как подобает примерной традиционной жене-секретарше. Налицо патриархатный стереотип: Она годится только к вспомогательной, обслуживающей, технической деятельности.

Инженер-археолог Татьяна Палей не показана в профессиональной деятельности. Ее явление читателю весьма симптоматично: высадившись на незнакомой планете, она интересуется исключительно перспективой купания. «Из-за угла вышла Таня в безрукавке и коротких штанах. Волосы у нее были мокрые. «Где ты была?» – свирепо спросил Комов. «Купалась.» – ответила Таня. «Как так

купалась? – сказал Комов, – кто тебе разрешил?» В этом отрывке закодированы и спрятаны основные бессознательные доминанты патриархатной парадигмы мира. Купание и загорание выбрано не случайно: и то и другое стало культурным знаком ничегонеделания, сибаритства, лени. Это апофеоз безделья и наслаждения жизнью. ОН не купается на незнакомой планете, у НЕГО для этого нет времени, а ЕЕ купание интересует больше всего на свете, будь это на Земле или в любой иной точке Галактики. ОНА убегает тайком, чтобы предаться любимому делу и получает упрек, что сделала это без разрешения ЕГО. Никто никому никаких разрешений не дает, но ОНА нуждается в опеке, контроле и разрешении со стороны мужчины.

Но самый интересный прием применен при характеристике Джин. Она – единственная женщина в романе, показанная в момент профессиональной деятельности. «Джин чуть не запоролла весь сектор. Каспаро схватил ее за руку. О, дьявольщина! У него было такое лицо! ... Каспаро послал ее спать. Она сидит в шестнадцатом и плачет. Итак, какая-то Джин без малого запоролла сектор слуховых ассоциаций. Дрянная девчонка! Каспаро поймал ее за руку. А если бы не поймал? Званцев стиснул руки и закрыл глаза».

ОНА сделала что-то ужасное. ОН успел исправить положение. ОНА плачет, осознавая свою глупость. Непрофессионализм нуждается в МУЖСКОМ КОНТРОЛЕ. Попытаемся сопоставить эту установку с описанием аналогичной ситуации, следующей через страницу. «Кто-то закричал протяжно и страшно. ...Каспаро кинулся к пульту. «Простите, – сказал высокий человек, – простите.» Каспаро толкнул его в спину: «Спать, Генри. Успокойтесь, ничего страшного.»

Каков психологический эффект подобного способа описания идентичной ситуации? Программист Джин и программист Генри делают одну и ту же работу. ОНА *чуть не ошиблась* по причине профессиональной несостоятельности, ОН *ошибся* в силу страшной усталости. Налицо суггестивное воздействие на читателя в укреплении сексистского стереотипа об умственной ущербности женщин, их лености и конформизме. Примерно тот же механизм и эффект обнаруживается при описании внешности героев. Отмечается

традиционное достоинство женщин – красота, как качество, удовлетворяющее определенную мужскую потребность. Отсюда и разная мера, степень красоты – для жен меньше, для любовниц больше, для проституток – еще больше. Вот Гута, жена: «Идет она мне навстречу, моя красавица... ножками своими ладными переступает, юбочка над коленками колышется, из всех подворотен на нее глазают,» Дона Окана, любовница: Огромные синие глаза без тени мысли и теплоты, нежный многоопытный рот, роскошное ...тело.» А вот так выглядит проститутка Сельма Нагель: «...юбка у нее была совсем короткая... а ноги голые, белые... гладкие икры, ямочки над коленями, обалдеть можно... ножки ее, основательно обнаженные, были превыше всех и всяческих похвал, Она сидела в кресле, положив одну прекрасную ногу на другую.» Классическая схема истерической закомплексованности на женской красоте как объекте потребления. Красота мифологизируется, сакрализуется, отчуждается, абсолютизируется. Миф о красоте – важнейший инструмент манипулятивных возможностей патриархатной культуры.

Заключение

В прозе Стругацких в неявном виде заключено главное – отношение к женщине, к женскому в целом как к объекту потребления. Мы попытались проследить лишь отчасти, какими способами достигается репродукция и ретрансляция сексистских стереотипов в обществе, как они канализируются в массовое сознание, становятся артефактами культуры. Психологические эффекты восприятия, наблюдаемые при этом, приводят к устойчивому воссозданию в обществе именно того типа культуры, который традиционно сексистски, патриархатно отводит женщине роль объекта, лишая, таким образом, статуса личности.

Художественная проза – лишь одна из социальных технологий суггестирования и воспроизводства патриархатных установок, но, безусловно, она, наряду со средствами массовой информации, кино, модой и т.д., является очень действенным способом и инструментом воздействия на массовое сознание.

Литература

- 1 Стругацкий А., Стругацкий Б. Трудно быть богом: Роман. – М.: Изд-во Эксмо, 1997. – 431 с.
- 2 Стругацкий А., Стругацкий Б. Пикник на обочине: Повесть. Град обреченный: Роман. – М.: Изд-во Эксмо, 1997. – 495 с.

References

- 1 Strugatskij A., Strugatskij B. It is difficult to be god: novel. – М.: Publishing house, Eksmo, 1997. – 431 p.
- 2 Strugatskij A., Strugatskij B. Picnic on a roadside: story. Hail fateful: novel. – М.: Publishing house, Eksmo, 1997. – 495 p.